

Функции речевого сообщения и функции переводчика

Перевод как вид языкового посредничества в условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации направлен на передачу функций речевого сообщения. Функции речевого сообщения вполне соотносимы с функциями языка. Роман Якобсон выделял шесть основных функций речевой коммуникации:

1. коммуникативная (референтивная, денотативная),
2. апеллятивная,
3. поэтическая,
4. экспрессивная,
5. фатическая,
6. метаязыковая¹⁴⁷.

Каждая из указанных функций соответствует одному из элементов речевой коммуникации (адресант, адресат, контекст, сообщение, контакт, код). Исходя из этого, можно предложить шесть основных функций речевого сообщения: *денотативная* функция, связанная с описанием предметной ситуации;

экспрессивная, выражающая отношение говорящего к тексту; *волеизъявительная*, передающая предписания и команды; *металингвистическая* «метаязыковая», характеризующаяся установкой на сам используемый в коммуникации язык; *контактоустановительная*, или *фатическая*, связанная с поддержанием контакта между участниками коммуникации; поэтическая, при которой акцент делается на языковой форме.

Проблема определения перевода как важнейшего вида языкового посредничества.

Оценочные и телеологические определения перевода (ДОб)

ПЛАН

1. Понятие слова *перевод*
2. Основные определения перевода

1. Понятие слова перевод

В настоящее время известно немало самых разнообразных определений перевода. Каждый исследователь, стремящийся разработать собственную теорию, как правило, дает и свое определение объекта исследования. Французский переводчик и теоретик перевода Э. Кари объясняет перипетии (*душворихо*, *мураккабиho*) в определениях перевода следующим образом: «Понятие перевода, в самом деле, очень сложно, и не только потому, что в наше время оно приобрело столь удивительное многообразие, но также потому, что оно беспрестанно изменялось на протяжении столетий. Возможно, именно это затрудняло размышления многих авторов, которые, соглашаясь с мнением предшественников либо оспаривая их, не замечали, что не всегда говорили об одном и том же»¹.

В самом деле, перевод предстает как чрезвычайно сложное и многостороннее явление, описать все сущностные стороны которого в одном, даже очень развернутом, определении весьма сложно, если вообще возможно. Прежде всего следует иметь в виду, что само слово *перевод* является многозначным и даже в пределах данной научной дисциплины соотносится по меньшей мере с двумя различными понятиями:

перевод как некая интеллектуальная деятельность, т.е. процесс, и перевод как результат этого процесса, продукт деятельности, иначе говоря, речевое произведение, созданное переводчиком. Иногда, чтобы избежать двусмысленности, в строгих научных описаниях используют заимствованный из английского языка термин «транслат», призванный обозначать продукт переводческой деятельности. Вряд ли следует считать этот термин удачным именно в силу его чужеродной формы. Более того, контекст научного описания, как правило, позволяет безошибочно определить, идет ли речь о деятельности или о продукте.

Понятия эквивалентности и адекватности перевода

ПЛАН

1. Определение эквивалентности
2. Определение адекватности
3. Слово «адекватность» и термин «эквивалентность». Философия соотношения
4. Условия неразличимости в переводе
5. Эквивалентность и адекватность, верность и точность
6. Точка зрения Федорова
7. Разные уровни адекватности
8. Категории адекватности и эквивалентности
9. Функциональная структура коммуникативного акта

Под эквивалентностью Комиссаров подразумевает общность содержания (смысловая близость) оригинала и перевода.

А под **адекватным переводом** – перевод, обеспечивающий прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм и узуса ПЯ, соблюдая жанрово-стилистические требования к тексту данного типа и соответствия конвенциональной норме перевода. В нестрогом употреблении а. п. – это «правильный перевод»

3. Слово «адекватность» и термин «эквивалентность». Философия соотношения

Перевод можно рассматривать как процесс создания текста на ПЯ в определенных отношениях равноценного тексту на ИЯ. Это дает нам основание взглянуть на перевод сквозь призму философского учения о тождестве — равенстве — эквивалентности. На наш взгляд, это весьма полезно, поскольку понятие эквивалентности в переводе, получившее в последнее время широкое распространение, используется без достаточного научного обоснования, как нечто априорно или интуитивно принятое.

А между тем именно введение в теорию перевода термина «эквивалентность» и замена им синонимичного термина «адекватность», открывают благоприятную возможность увязать проблему переводческой эквивалентности с широкой общенаучно-философской проблематикой тождества — равенства — эквивалентности и решать ее на гораздо более высоком теоретическом уровне.

Слово «адекватность», используемое в теории перевода специально для обозначения переводческой эквивалентности, представляет собой локальный, чисто переводческий термин: в общенаучном плане адекватность не является термином, а употребляется

нетерминологически — в значении «вполне соответствующий», «равный». Из-за этого тех случаях, когда вместо термина «эквивалентность» употребляется термин «адекватность», проблема переводческой эквивалентности уже на терминологическом уровне изолируется от широкой общенаучно-философской проблематики тождества — равенства — эквивалентности.

Иное дело термин «эквивалентность», являющийся обозначением родового понятия всевозможных отношений типа равенства.

Эквивалентность объектов означает их равенство в каком-либо отношении; равенства объектов во всех отношениях не бывает. Всякая вещь универсума есть единственная вещь; двух вещей, из которых каждая была бы той же самой вещью, что и другая, не существует.

Тем не менее как в повседневной жизни, так и в теории мы постоянно отождествляем различные предметы, т.е. говорим о разных предметах так, как если бы они были одной и той же вещью. Возникающая при этом абстракция отождествления различного получила отражение в принципе тождества неразличимых Г. В. Лейбница (1646—1716). Между признанием индивидуальности каждой вещи и принципом тождества неразличимых не возникает противоречия, поскольку, говоря об индивидуальности, мы имеем в виду онтологическую индивидуальность вещей (вещей «самих по себе», по их «внутреннему состоянию»). Принцип тождества неразличимых имеет в виду не абсолютную (онтологическую) неразличимость, т.е. неразличимость вещей по любому признаку, а лишь их неразличимость для нас в процессе их познания, в практике. Если различать «вещь» (т.е. предмет универсума «сам по себе») и «объект» (предмет универсума в познании, в практике, в отношении к другим предметам), то можно сказать: нет тождественных вещей, но есть тождественные объекты.

Таким образом, с онтологической точки зрения тождество (эквивалентность) является идеализацией, имеющей, однако, объективное основание в условиях существования вещей. Практика убеждает нас в том, что существуют ситуации, в которых разные вещи ведут себя как одна и та же вещь. Поэтому отождествление различного не является упрощением или огрублением действительности.

Неразличимость объектов, отождествляемых по принципу тождества неразличимых, может выражаться операционально в их «поведении», истолковываться в терминах свойств, определяться совокупностью некоторых фиксированных условий неразличимости.

Эквивалентность и адекватность, верность и точность (Т.З. ГАРБОВСКОГО)

В современной теории перевода, стремящейся отойти от использования недостаточно точных, неоднократно критикованных терминов, характеризующих перевод таких, как «точность» и «верность», наряду с термином «эквивалентность» широко используется термин «адекватность». Интересно, что термины «эквивалентность» и «адекватность» оказываются этимологически связанными, так как восходят к одной латинской форме *aequae* — *равно, одинаково, так же*.

Что же означает понятие адекватности перевода, какую роль оно может сыграть в теории перевода, в чем отличие категории эквивалентности от категории адекватности?

По всей вероятности, понятие адекватности перекочевало в теорию перевода из теории познания, где термином «адекватное» обозначается *верное воспроизведение* в

представлениях, понятиях и суждениях объективных связей и отношений действительности. Для теории перевода в качестве такой действительности выступает оригинальный текст как стройная система связей и отношений между составляющими его элементами. Задачей же перевода является верное воспроизведение этой системы связей и отношений средствами другого языка. Что же предполагает *верное* воспроизведение подлинника (что термин *верный* широко используется в зарубежной теории перевода для обозначения того же понятия, что и *адекватный*, ср. франц. *fidele*)? Расшифровка определения *верный* через синонимы *соразмерный, соответствующий, правильный, точный* мало что может добавить к знанию о том, каким должен быть текст перевода по сравнению с текстом оригинала. Пожалуй, только определение *соразмерный* подсказывает нам, что текст перевода не должен ни превышать текст оригинала, ни быть короче его, хотя совершенно очевидно, что данное требование достижимо лишь относительно. Что же касается определения *соответствующий* (чему?), *правильный* (по оценке кого?), *точный* (?), то они достаточно абстрактны, хотя и употребляются довольно часто по отношению к переводу.

Категория «верности» еще в античный период ассоциировалась с буквальным переводом. Достаточно вспомнить Горация и его известное высказывание «*Nee verbum verbo curabis reddere fidus interpres*», получившее впоследствии так много интерпретаций. Сколько раз критики перевода задавали вопрос: «Кому должен быть верен переводчик? Автору оригинала? Тексту оригинала? Или читателю, доверяющему ему и наивно полагающему, что перевод — это то же самое, что создал Автор, только... на другом языке? Само определение *верный* представляется достаточно расплывчатым. Что такое *верный*. Заслуживающий доверия? Неизменно придерживающийся чего-либо. Не вызывающий сомнений в своей надежности? Соответствующий истине? Точный и безошибочный? Неизменный? Хотелось бы, чтобы перевод обладал всеми этими качествами. Но, увы, реальный перевод лишь отчасти заслуживает доверия, лишь частично придерживается подлинника, всякий раз вызывая сомнения в своей надежности. Иначе говоря, применение определения *верный* к переводу оказывается прекрасной метафорой, но не точным термином теории. Пожалуй, сегодня определение *верный* по отношению к переводу, скорее, является категорией исторической, позволяющей глубже понять такое яркое явление в переводческой практике прошлого, как «прекрасные неверные».

Разные уровни адекватности

Тем не менее адекватность как свойство перевода в большей степени ориентирована на получателя сообщения, созданного переводчиком. Во всех случаях, когда переводу подлежит текст, создававшийся «для внутреннего потребления», т.е. как речевое произведение, перевод которого изначально не предполагался, адекватность оказывается всецело ориентированной на получателя переводной продукции. Именно он определяет степень коммуникативной равнозначности оригинала и перевода, необходимую ему для решения задач коммуникации. Поэтому некоторые исследователи считают необходимым разграничить разные уровни адекватности. Так, Ю.В. Ванников предлагает различать прежде всего семантико-стилистическую адекватность, которая определяется «через оценку семантической и стилистической эквивалентности языковых единиц, составляющих текст перевода и текст оригинала», и функциональную (прагматическую, функционально-прагматическую), которая

«выводится из оценки соотношения текста перевода с коммуникативной интенцией отправителя сообщения, реализованной в тексте оригинала»¹. Кроме того, учитывая потребности информационной практики, в которую вовлекается и перевод, он видит необходимость выделить особый тип адекватности, а именно «дезидеративную адекватность», которая оказывается всецело ориентированной на запросы получателя переводной продукции. «С позиции семантико-стилистической теории адекватности такие виды обработки текста не должны считаться переводами, — отмечает исследователь. — На самом же деле, если они правильно передают требуемый аспект информации, заключенный в иноязычном тексте, т.е. реализуют коммуникативную установку, инициируемую получателем, их следует признать полноправными переводами, отличающимися от других "собственно переводов" типом своей адекватности». К этому типу адекватности по сути дела исследователь относит такие виды информационной обработки текста, как выборочный перевод, реферирование, аннотирование, просмотрное чтение и т.п. которые сближаются с переводом тем, что оперируют исходными текстами на одном языке и производят тексты на другом, т.е. имеют тот же механизм, что и перевод.

Наконец, последней разновидностью адекватности оказывается так называемая «волюнтативная» адекватность, которую исследователь усматривает в переложениях. Она определена как волюнтативная в силу того, что в этом случае активно проявляется собственная коммуникативная установка переводчика. Автор данной типологии полагает, что все эти различные виды перевода, предполагающие различный уровень близости текста перевода тексту оригинала, объединены между собой тем, что являются фактами двуязычной коммуникации при посредничестве переводчика.

В рассмотренной выше концепции понятие адекватности полностью покрывает собой все типы соответствия между текстом оригинала и текстом перевода. В этом случае понятие эквивалентности оказывается просто излишним. Иначе говоря, понятие адекватности поглощает понятие эквивалентности. Но такой функциональный подход к установлению степени соответствия исходного речевого произведения и его перевода, опирающийся на коммуникативные установки трех участников коммуникации (автора оригинального текста, получателя текста перевода, т.е. «заказчика», и самого переводчика), выводит за рамки интересов теории перевода «таинство» переводческой кухни, его операции по максимально полному перевыражению всей системы смыслов, заключенной в тексте оригинального речевого произведения. По сути, функционально допустимыми оказываются любые формы межъязыкового посредничества независимо от того, насколько эквивалентен текст, порождаемый в процессе таких операций, текст перевода. С таким расширенным пониманием перевода трудно полностью согласиться. Сведение всех разновидностей межъязыкового посредничества к переводу чрезмерно расширяет и размывает рамки самого объекта, что уводит теорию перевода на слишком зыбкую почву. В этой концепции привлекает то, что различение типов адекватности позволяет нам вновь ввести перевод в круг основных составляющих коммуникативного акта. Не следует забывать, что коммуникативный акт — это не только участники коммуникации, но и само сообщение, система смыслов в словесном облике. Именно установка на сообщение вновь возвращает нас к категории эквивалентности, ведь при всей важности коммуникативных установок на отправителя исходного сообщения, получателя текста перевода и самого переводчика не менее значимыми являются тексты

порождаемые в процессе этого акта коммуникации, и отношение соответствия между ними.

7. Категории адекватности и эквивалентности (т.з. А.Д. Швейцера)

Поэтому не менее верным представляется и такой взгляд на перевод, при котором максимальное совпадение между содержанием оригинала и перевода считается очевидным. В этом случае «хорошим», или «правильным», признается только эквивалентный перевод¹. В.Н. Комиссаров, полагая, что категория оценочное оказывается при таком подходе естественным признаком категории эквивалентности, предлагает вовсе вывести термин «адекватность» из научного оборота теории перевода². Исследователь исходит из положения теоретической концепции Федорова, уподоблявшего адекватность полноценности.

Но, как мы пытались показать выше, адекватность и полноценность суть разные понятия, и понятию адекватности в отличие от понятия полноценности оценочность не свойственна. Поэтому нет достаточных оснований для того, чтобы устранять термин «адекватность» из теории перевода. Он не является дублетом термина «эквивалентность», ни тем более таких понятий с неясным объемом, как «точность» и «верность». Термин «адекватность» обозначает особую категорию теории перевода. Его сосуществование с категорией эквивалентности не только допустимо, но и целесообразно. Однако для того, чтобы они могли существовать в пределах одной теории, следует четко разграничить их понятийные области. Во всяком случае при первом приближении к разграничению понятийных сфер адекватности и эквивалентности можно сделать вывод о том, что в переводе не все адекватно, что эквивалентно и не все эквивалентно, что адекватно.

Такой взгляд на категории адекватности и эквивалентности в известной степени совпадает с трактовкой различия между ними, предложенной А.Д. Швейцером. Этот исследователь отмечал несколько отличий одной категории от другой. Полагая, что обе категории имеют оценочный и нормативный характер, он видел первое их различие в том, что эквивалентность ориентирована на результаты перевода, на соответствие текста перевода определенным параметрам оригинала, в то время как адекватность связана с условиями протекания межъязыкового коммуникативного акта.

Два источника и два типа буквализма

Существуют два источника и два типа буквализма.

Первый, более примитивный тип, своего рода «детская болезнь» начинающих переводчиков, коренится во внешнем сходстве иностранных и русских слов, сходстве графическом или фонетическом. Это буквализм этимологический. Внешнее сходство далеко не всегда означает идентичность или даже близость значения. Можно привести длинный список английских и французских слов, имеющих «этимологические» соответствия в русском, которые на самом деле оказываются мнимыми. Такие слова, сходные по написанию или звучанию, принято называть «ложными друзьями переводчика».

Конечно, есть немало подлинно интернациональных слов-терминов, и с каждым годом их становится все больше благодаря международному сотрудничеству специалистов и ученых, вырабатывающих согласованную международную терминологию на съездах и конференциях. Но следует отличать от них псевдоинтернациональные слова, относящиеся к категории «ложных друзей».

В «Англо-русском и русско-английском словаре «ложных друзей переводчика», изданном в 1969 году под общим руководством В.В. Акуленко, рассматривается свыше семисот русских слов, имеющих примерно 300—350 мнимых соответствий в английском языке. Как правило, это английские слова с широкой семантикой, лишь одно из значений которых аналогично русскому. Например, существительное *record*, кроме аналогичного *рекорд*, имеет десяток других значений. Менее часты случаи, когда похожие английские и русские слова вовсе не имеют общего значения, как например, *magazine журнал*, *complexion цвет лица*, а не *телосложение*, *decade десять лет*. *compositor наборщик* (в типографии).

В нашей прессе сообщалось, что в результате землетрясения в Никарагуа столица Манагуа «практически» разрушена полностью. Этого буквализма не было бы, если бы переводчик потрудился заглянуть в упомянутый словарь-справочник, где под 4-м значением слова *practically* указан перевод *почти*. Кстати говоря, это наиболее распространенное в английской и американской прессе значение слова *practically*.

[Из данного примера видно, как изменились нормы русского языка за 30 лет. В наши дни и русское слово *практически* широко употребляется в значении «почти», а словосочетания *практически полностью*, *практически ничего* стали устойчивыми оборотами речи.]

К сожалению, в списке «ложных друзей переводчика» читатель и переводчик публицистики и газеты не найдет некоторых очень нужных слов.

Второй тип буквализма, более сложный и коварный, чем буквализм этимологический, состоит в использовании переводчиком наиболее распространенного значения слова вместо контекстуального или перевод фразеологизма на основе отдельных значений его компонентов. Повторное *hear! hear!* вовсе не означает *слушайте! слушайте!*, т.е. призыв к вниманию на собрании, а горячее одобрение: *правильно! правильно!* Хотя приведенное значение уже было зафиксировано в Англо-русском словаре Мюллера в 1960 году (7-е издание), это не помешало даже опытным переводчикам ошибаться и в последние годы. Так, например, в переводе повести Тамары Хови «Стремления маленькой мошки» читаем:

... ~ Стоит нам заговорить о политике, как у тебя делается этакий высокомерный вид...
— Никакого у меня нет высокомерного вида. Просто меня не интересует политика.
— Слушайте, слушайте,— сказала студентка с археологического. («Иностранная литература», 1969, № 12)

Как можно видеть из приведенных примеров, и этимологический, и семантический буквализм одинаково приводят к искажению смысла в переводе.

Более ста лет тому назад Ф. Энгельс приводил пример буквалистической ошибки переводчика, когда в немецком отчете о состязаниях в гребле оксфордских студентов было сказано, что *краб зацепился за весло одного из гребцов*. Между тем, *to catch a crab*

означает «занизить» весло, «поймать леща» (БАРС). По-видимому, немецкий репортер не только был плохо знаком с английским языком, но и не знал, что крабы в Темзе не водятся. Однако через много лет (в 1937 г.) та же ошибка была повторена в русском переводе романа Голсуорси «Сдается в наем». Повторена, несмотря на то, что данная фразеологическая единица уже была зафиксирована в англо-русских словарях.

КЛАССИФИКАЦИИ ВИДОВ ПЕРЕВОДА

ПЛАН

1. 2 классификации видов перевода
2. определения худ-го и информативного перевода
3. Структурно-типологические аспекты переводного текста
4. Выделение функциональных стилей
5. параметры, которые следует учитывать при построение различного рода текстов

В теории перевода существуют две основные классификации видов перевода; по характеру переводимых текстов и по характеру действий переводчика в процессе перевода.

В соответствии с жанрово-стилистической классификацией перевода выделяют два функциональных вида перевода;

художественный перевод и информативный (специальный) перевод.

Противопоставление художественного перевода информативному основано на противопоставлении художественных текстов специальным текстам с точки зрения основных функций, выполняемых текстами.

Для художественного текста основной является художественно-эстетическая, или поэтическая функция.

Для специальных текстов основной является функция сообщения, информирования.

Художественным переводом называется перевод произведений художественной литературы, основная задача которого заключается в порождении на ПЯ речевого произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на получателя перевода.

Соответственно, информативным переводом называется перевод специальных текстов, основная функция которых заключается в сообщении каких-то сведений, а не в художественно-эстетическом воздействии па читателя.

К таким текстам относят все материалы научного, делового, общественно-политического, бытового и пр. характера. В.Н.Комиссаров к информативным текстам относит также детективные (полицейские) рассказы, описания путешествий, очерки и тому подобные произведения, «где преобладает чисто информационное повествование».

Структурно-типологические аспекты переводного текста

Еще одним весьма важным его аспектом является учет типологии и структуры переводимого текста. Без этого невозможно говорить о репрезентативности переводным текстом текста оригинала.

Речь о структурно-типологических аспектах переводного текста идет вслед за культурологическим по той причине, что нормативные требования, предъявляемые к тем или иным видам текстов, связаны не только с языковой природой последних. Не вызывает сомнения их культурная обусловленность, культурная конвенциональность.

Другими словами, то, как, какими лингвистическими средствами следует оформлять тот или иной текст, каковы должны быть его экстралингвистические параметры, зависит от того, в рамках какой культуры он создается, каковы традиции, диктующие автору или авторам правила его построения и в плане выражения, и в плане содержания.

Впрочем, основные жанровые характеристики определяемых видов текста все-таки похожи друг на друга и на известном уровне обобщения универсальны. Именно поэтому мы можем говорить о функциональных стилях вообще, которые, по сути, и несут в себе свойства, характеризующие те или иные виды текстов. В этом смысле, абстрагируясь от деталей, мы говорим о научном стиле изложения, официально-деловом, публицистическом, разговорно-бытовом и художественном функциональных стилях, а не о русском или немецком научном стиле и т.п.

Таким образом, рассматривать структурно-типологические аспекты переводного текста в переводоведении, построение различного рода текстов мы должны с учетом, во-первых, универсальных, наднациональных принципов и, во-вторых, некоторых более или менее существенных деталей, национальных особенностей построения и оформления текстов в разных культурах, в разных странах.

Попыткой хоть как-то разобраться во всем этом, кажется, необозримом разнообразии и является классификация текстов. Для ее составления формулируются критерии, согласно которым проводится разграничение текстов на типы.

Наиболее распространенной и удобной для перевода представляется функционально-стилистическая классификация текстов.

Согласно этой классификации, каждый текст относится к одному из ограниченного числа так называемых функциональных стилей. Многие стилистические исследования в отечественной филологии основываются на системе функциональных стилей (иногда называемых также функциональными разновидностями языка), разработанной акад. В.В. Виноградовым.

Чаще всего различают следующие функциональные стили: официально-деловой, публицистический, научный, информационный, художественный, разговорно-бытовой. При этом во главу угла ставится идея о том, что все произведения речи создаются, чтобы выполнять определенные функции, главными из которых являются передача информации и произведение художественного эффекта на читателя или слушателя [См.: Виноградов; Современный русский язык; Арнольд; Солганик; Голуб].

Следуя этой классификации, мы будем характеризовать переводимые тексты с точки зрения принадлежности к одному из вышеназванных функциональных стилей, обращая внимание на то, какими свойствами обладают тексты, принадлежащие к одному и тому же функциональному стилю, чтобы затем распространить полученные выводы на тексты, вновь создаваемые переводчиком.

Это важно, поскольку иначе текст перевода лишится своих репрезентирующих оригинал качеств. Если, например, оригинал — научная статья, перевод может оказаться чем-то другим, а значит, уже не сможет служить полноценной заменой оригинала.

Особенности перевода газетно-информационных

ПЛАН

1. короткое реферативное изложение
2. буквенные аббревиатуры
3. требования документально-делового стиля в русском языке
4. «спрессованность» англоязычного газетного текста
5. Трудности перевода английского газетного (информационного) текста на русский язык (М. М. Морозов)
6. Основная задача при переводе информационного текста

Газетно-информационные тексты - в отличие от других - редко переводятся для печати целиком и в «чистом виде». Когда в нашей газете или же в каких-либо информационных бюллетенях приводятся данные иностранной прессы, они подвергаются приспособлению к стилистическим нормам газетного стиля или официальных сообщений на русском языке; перевод при этом нередко заменяется более коротким реферативным изложением, своего рода пересказом. Здесь же будет сделана попытка максимального приближения к стилистическим особенностям подлинников (разумеется, в пределах, допускаемых условиями русского газетного стиля, в частности — его фразеологии) — для того, чтобы показать и различие в формах проявления национальной специфики используемых в разных языках конкретных средств.

Термины, встречающиеся в газетно-информационном материале, относятся в первую очередь к области политической номенклатуры (названия учреждений, партий, должностей, организаций и т. п.), экономики и международных сношений. Что касается объема предложения, то он, как правило, соответствует требованию - не затруднять восприятие читателя; таким образом, злоупотребление особо длинными и развернутыми сложноподчиненными конструкциями здесь обычно не наблюдается.

Вообще же надо заметить, что в западноевропейских газетах в гораздо большей степени, чем в нашей прессе, используются буквенные аббревиатуры, предполагаемые известными всем читателям или особенно актуальные в данный момент. Это напоминает уже давно пройденный этап в развитии русского языка и советской прессы, когда на газетной полосе изобиловали аббревиатуры, уже и тогда вызывавшие острую критику. В целом подобное

пристрастие к аббревиатурам производит впечатление известного провинциализма в журналистике: известное и употребительное в определенной среде предполагается и знакомым, и понятным для всех.

Само собой разумеется, что аббревиатуры, не имеющие принятых соответствий в другом языке, требуют в переводе полного раскрытия, что иногда делает необходимым кропотливое выяснение смысла сокращенного названия (если оно не отражено ни в каких словарях либо справочниках).

Несмотря на полную возможность точного по смыслу перевода того или иного отдельного слова в пределах рассматриваемого отрывка, по нормам русского печатного текста возникает необходимость замен.

Иногда, оказывается необходимым обратиться к внелингвистической информации, т. е. к помощи календаря - случай частый при переводе вообще и при переводе газетных текстов в частности.

Иногда не встречается необходимости в разбивке предложений: они, как это и характерно для газетной информации, сравнительно недлинные и несложные по структуре. Требуются лишь такие синтаксические перегруппировки, какие вызываются общими расхождениями между русским и немецким языками - главным образом в порядке слов (в частности, в составе второго подзаголовка, аннотирующего содержание последующей информации и заключающего в себе эллиптированные предложения наряду с номинативными. Если последние сохраняются в переводе, то первые приобретают более выраженный формально полносоставный характер).

Следует помнить о синтезе и применении таких приемов передачи оригинала как применение эквивалентов (или константных соответствий) из области политической терминологии, лексико-семантической трансформации ряда сочетаний, вызванной фразеологическими требованиями документально-делового стиля в русском языке. По сравнению с этими средствами перевода синтаксические перегруппировки и использование вариантных соответствий играют здесь меньшую роль.

Разумеется, газеты различных политических направлений могут отличаться по стилю - по отбору лексики, по степени сложности фразы (в зависимости от расчета на определенного "читателя"), но подобные различия наименее проявляются в информационных текстах, обычно содержащих общепринятые формулировки или даже воспроизводящих официальные документы.

Возможность выразить эмоционально-оценочное отношение к сообщаемым фактам в этом виде материала ограничена. Примером может служить следующее сообщение из газеты «Канадиен трибьюн» от 25.VIII.1980 о забастовке рабочих вагоностроительного завода и полицейской расправе с пикетчиками - фактах, о которых автор заметки пишет в нарочито деловом, сдержанном тоне.

Thunder Bay cops charge Can Car line (By Paul Pugh)

Thunder Bay- City police charged a peaceful picket of 150 outside to strikebound Hawker-Siddely Canada Car plant here August 20 arresting 11 and injuring four.

Spokesman for the United Auto Workers local 1075 George Rousnik told the Tribune the police charged the line without provocation, kicking and punching the pickets and robbing several into police vans.

The workers responded by setting up a picket around city hall demanding an investigation into the police action. The city intervened and the arrested were released without bail.

The union had beefed up their picket lines that had been limited to 18 by an injunction, to protest the carrying out of work by management personnel.

The 21-week old strike by 1200 workers at this producer of railway cars had been fought over wage. The workers were locked into low wages by the Anti-Inflation Board and were limited to only a cost-of-living-allowance in their last contract, which expired Dec. 30.

Если дословный перевод другого немецкого газетно-информационного текста был бы неприемлем с точки зрения нормы русского литературного языка (и прежде всего нормы сочетаемости), но оказался бы при этом понятным, то многие места приведенного английского текста при буквальном переводе просто нельзя было бы понять, получился бы отрывистый набор логически не вполне связанных слов.

Перевод общественно-политической литературы

ПЛАН

1. Роль стилистических средств
2. Характером и ролью стилистических средств
3. конкретный образ и его роль
4. соответствие подлиннику по функции

Тексты общественно-политического содержания, как и другие научные тексты, включают в том или ином количестве специальные термины, которые требуют от переводчика точности, однозначности в передаче. Но общественно-политической литературе присуща агитационно-пропагандистская направленность, страстность тона, полемичность, и специфика стиля заключается здесь в слиянии, с одной стороны, элементов научной речи и, с другой - различных средств эмоциональности и образности (как лексических, так и грамматических).

Можно затрагивать и такое явление стиля, как широкое использование в иллюстративных целях разнообразного материала из разных областей науки и литературных цитат, литературных и исторических образов.

Роль этих стилистических средств в целом ряде случаев совпадает с той, какую они играют в художественной литературе. Когда говорится о словесном построении образа в литературе, следует иметь в виду не только лексико-семантическую его сторону, т. е. не только вещественное содержание слова или изменение его прямого значения, которое происходит в контексте: столь же важным моментом в создании образа являются и синтаксические средства, связывающие слова в контексте, где и реализуется значение того или иного слова — прямое или переносное.

Использование синтаксиса в художественной литературе с его использованием в литературе общественно-политической и публицистической роднит та роль, которую он играет как средство выражения эмоционального содержания, вкладываемого в текст. Это особенно сказывается в моменты усиления обличительного пафоса - там, где возникает необходимость в особом подчеркивании смысла и в четкости членения. Всякого рода параллелизмы, повторения отдельных слов или словосочетаний, наряду с функцией логического членения и построения, особенно существенной в научном языке, несут в общественно-политической литературе и функцию эмоциональную.

Таким образом, синтаксические средства языка наряду с лексическими играют в составе общественно-политического научного текста экспрессивную роль, не только оформляя выражение понятий, но и содействуя смысловому или также и эмоциональному выделению известных компонентов. Самая последовательность, в которой разворачивается предложение как синтаксическое единство, находится в соответствии с разворачиванием мысли.

Правда, в таких языках, где, как в немецком, широко распространена и развита так называемая «рамочная конструкция», достигается особая теснота всей словесной группы в целом, словно требующей одновременного восприятия всех ее элементов с нарушением временной последовательности.

Характером и ролью стилистических средств, используемых в общественно-политической литературе, обуславливаются и задачи ее перевода, и направление анализа существующих ее переводов. Своеобразие основной задачи заключается именно в воспроизведении не только всего смыслового содержания и, в частности, словесных средств, играющих терминологическую роль, но и экспрессивной стороны подлинника. При анализе возможных решений этой задачи и при оценке переводов необходимо руководствоваться указаниями, где в одинаковой степени уделяется внимание и вопросам терминологии, и стилистическим требованиям подлинника. Другими словами, задача перевода рассматривается как задача перевода и научного, и художественного.

Смысловая близость текстов оригинала и перевода как основа их коммуникативной равноценности

ПЛАН

1. степень близости перевода к оригиналу
2. разные типы эквивалентности
3. значения терминов «эквивалентность» и «адекватность»

Эффективность межъязыковой коммуникации во многом определяется степенью близости перевода к оригиналу. Вопреки презумпции их идентичности, которая лежит в основе использования рецепторами текста перевода в качестве полноправного репрезентанта оригинала, языковые и культурные различия приводят к нетождественности этих текстов. Коммуникативное приравнение разноязычных текстов в процессе перевода сопровождается более или менее существенными опущениями, добавлениями и изменениями.

Переводчику постоянно приходится решать, какими элементами оригинала можно пожертвовать, чтобы сделать возможным полноценное воспроизведение других, коммуникативно более значимых его частей. В связи с этим одним из центральных понятий теории перевода является понятие «эквивалентность перевода», которое обозначает относительную общность перевода и оригинала при отсутствии их тождества.

Различается теоретически возможная эквивалентность, определяемая соотношением структур и правил функционирования двух языков, и оптимальная — близость, достигаемая в конкретном акте перевода. И в том, и в другом случае эквивалентность не представляет собой фиксированную величину: степень близости перевода и оригинала может быть различной и эквивалентность перевода устанавливается на разных уровнях.

Иначе говоря, существуют разные типы эквивалентности, различающиеся по степени близости двух текстов.

Степень эквивалентности может быть достаточно объективно определена путем сопоставления текста перевода с оригиналом, и она служит одним из критериев при оценке результатов переводческого процесса. Однако, в целом, такая оценка выводится на основе целого ряда факторов. В ряде случаев для успеха межъязыковой коммуникации достижение максимальной эквивалентности оказывается необязательным, а иногда даже нежелательным. Это вызвало необходимость в введении оценочного термина «адекватность перевода», обозначающего соответствие перевода требованиям и условиям конкретного акта межъязыковой коммуникации.

В соответствии со значениями терминов «эквивалентность» и «адекватность» адекватный перевод включает определенную степень эквивалентности, но эквивалентный перевод может и не быть адекватным.

Три подхода к определению эквивалентности

ПЛАН

1. подход к определению
2. подход к определению
3. подход к определению

В современном переводоведении можно обнаружить три основных подхода к определению понятия «эквивалент». Первый подход.

Некоторые определения перевода фактически подменяют эквивалентность тождественностью, утверждая, что перевод должен полностью сохранять содержание оригинала. А.В.Федоров, например, используя вместо «эквивалентности» термин «полноценность», говорит, что эта полноценность включает «исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника». Само понятие «исчерпывающая передача», по-видимому, должно означать, что перевод будет иметь то же самое содержание, что и оригинал.

Такое кардинальное решение вопроса «снимает» необходимость особо определять понятие «эквивалентность». К сожалению тезис о исчерпывающей передаче содержания оригинала

не находит подтверждения в наблюдаемых фактах, и его сторонники вынуждены прибегать к многочисленным оговоркам, которые фактически выхолащивают исходное определение.

Так, определив перевод как «процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» и указав, что под содержанием следует понимать все виды отношений, в которых находится языковая единица, Л.С.Бархударов тут же оговаривается, что о неизменности «можно говорить лишь в относительном смысле», что «при переводе неизбежны потери, то есть имеет место неполная передача значений, выражаемых текстом подлинника». Отсюда Л.С.Бархударов делает закономерный вывод, что «текст перевода никогда не может быть полным и абсолютным эквивалентом текста подлинника», однако остается непонятно, как это совместить с тем, что «неизменность плана содержания» была указана в качестве единственного определяющего признака перевода. Если исходить из такого определения, то было бы логично сделать вывод, что, поскольку нет неизменности содержания, то нет и перевода.

Второй подход к решению проблемы переводческой эквивалентности заключается в попытке обнаружить в содержании оригинала какую-то инвариантную часть, сохранение которой необходимо и достаточно для достижения эквивалентности перевода. Наиболее часто на роль такого инварианта предлагается либо функция текста оригинала, либо описываемая в этом тексте ситуация. Иными словами если перевод может выполнить ту же функцию (например, обеспечит правильное использование технического устройства) или описывает ту же самую реальность, то он эквивалентен.

К сожалению, и этот подход не дает желаемых результатов. Какая бы часть содержания оригинала ни избиралась в качестве основы для достижения эквивалентности, всегда обнаруживается множество реально выполненных и обеспечивающих межъязыковую коммуникацию переводов, в которых данная часть исходной информации не сохранена. И, наоборот, существуют переводы, где она сохранена, но неспособные, однако, выполнять свою функцию в качестве эквивалентных оригиналу. В таких случаях мы оказываемся перед неприятным выбором: либо отказать подобным переводам в праве быть переводами, либо признать, что инвариантность данной части содержания не является обязательным признаком перевода.

Третий подход к определению переводческой эквивалентности можно назвать эмпирическим. Суть его заключается в том, чтобы не пытаться априори решать, в чем должна состоять общность перевода и оригинала, а сопоставить большое число реально выполненных переводов с их оригиналами и посмотреть, на чем основывается их эквивалентность.

Теория формальной и динамической эквивалентности

Главным в концепции Юджина Найды («К науке переводить» (1964)) представляется положение о двух типах эквивалентности при переводе:

формальной (ФЭ) и динамической (ДЭ). В основе его представлений о необходимости различать эти два вида эквивалентности лежит убеждение в том, что совершенно точный перевод невозможен. Однако очень близким к оригиналу может оказаться воздействие перевода на получателя, хотя тождества в деталях не будет.

Найда отмечает, что существуют самые разные типы перевода — от сверхбуквального (подстрочника) до свободной парафразы. Различие в выборе того или иного типа перевода обусловлено, по мнению Найды, тремя факторами; характером сообщения, намерениями автора и переводчика как его доверенного лица и типом аудитории.

Признавая неразрывную связь формы и содержания в сообщении, Найда отмечает, что сообщения различаются все же тем: что доминирует в них — форма или содержание. В этом положении угадывается функциональный подход к сообщению, сформулированный Якобсоном, а именно различение денотативной и поэтической функций сообщения, каждая из которых может выступать на первый план в конкретном акте коммуникации, а все остальные функции, присущие сообщению, сохраняются.

Определяя основные цели, которые преследует переводчик, выбирая тот или иной тип перевода. Найда указывает на две, а именно на передачу информации и вызов определенного типа поведения у получателя переводного речевого произведения. Во втором случае «переводчику мало, когда получатель говорит: "Это понятно". Переводчик стремится, чтобы получатель сказал: "Это для меня важно"»¹. Возможны и более высокие степени императивности текста. Соответственно степень адаптации переводного текста к речевым привычкам получателя переводного текста будет варьировать от минимальной в первом случае до максимальной во втором.

И, наконец, тип перевода выбирается в зависимости от способности получателя понять переводной текст. Найда выводит четыре уровня способности понимания:

- способность детей, чей словарь и жизненный опыт ограничены,
- способность малограмотных людей, не владеющих письменной речью,
- способность среднеобразованного человека, свободно понимающего как устную, так и письменную речь,
- способность специалиста понимать сообщения в рамках своей специальности.

Все эти факторы определяют стратегию переводчика, выбор определенного типа эквивалентности между оригинальным и переводным сообщениями — формальную эквивалентность или динамическую.

«При соблюдении формальной эквивалентности, — пишет Найда, — внимание концентрируется на самом сообщении, как на его форме, так и на содержании. При таком переводе необходимо переводить поэзию поэзией, предложение — предложением, понятие — понятием».

Такой тип перевода Найда называет переводом-глоссой (gloss translation). Перевод-глосса предполагает перенесение получателя сообщения в культуру иного народа, того, для кого создан оригинальный текст. Переводчик в этом

случае часто прибегает к примечаниям, стремясь сделать текст максимально понятным.

Если же переводчик ставит перед собой цель достичь динамической эквивалентности переводного текста тексту оригинала, он стремится «не столько добиться совпадения сообщения на языке перевода с сообщением на языке оригинала, сколько создать динамическую связь между сообщением и получателем на языке перевода, которая была бы приблизительно такой же, как связь, существующая между сообщением и получателем на языке оригинала». Получатель переводного произведения не переносится в иную культуру, ему предлагается «модус поведения, релевантный контексту его собственной культуры; от него не требуется для восприятия сообщения, чтобы он понимал контекст культуры оригинала». Американский исследователь подробно анализирует принципы ориентации перевода на формальную или динамическую эквивалентность.

При формально эквивалентном переводе переводчик в основном ориентируется на исходный язык, на форму и содержание исходного сообщения. Предпринимаются попытки полного воспроизведения грамматических форм, постоянства в употреблении слов и выбора значений в рамках исходного контекста. Такие переводы не всегда понятны среднему читателю, требуют примечаний и комментариев, однако, разумеется, имеют право на существование. Они могут быть ориентированы на другую группу получателей, а именно на специалистов, желающих получить как можно более точные и полные сведения о культуре и языке другого народа.

Таким образом, тексты, переведенные по принципу формальной эквивалентности, оказываются более значимыми с точки зрения сопоставительной лингвистики и сравнительной культурологии.

Перевод, ориентированный на динамическую эквивалентность, Найда определяет как «самый близкий естественный эквивалент исходного сообщения». Расшифровывая эту дефиницию, он поясняет, что термин «эквивалент» ориентирован на исходное сообщение, термин «естественный» на сообщение на языке перевода, а определение «самый близкий» объединяет обе ориентации в максимальном приближении

Рассматривая категорию «естественности» перевода, Найда говорит о трех определяющих ее аспектах:

- следовании нормам переводящего языка и принимающей культуры в целом,
- соответствии контексту данного сообщения и
- соответствии уровню аудитории.

Исследователь признает, что формальная и динамическая эквивалентности являются некими полюсами, между которыми располагается множество промежуточных типов эквивалентности.

Категория «естественного перевода» подробно рассматривается американским исследователем. Приспособление текста перевода к языку и культуре должно привести к тому, что в переведенном тексте не осталось никаких следов иностранного происхождения. Отсюда неизбежно вытекает требование

культурной адаптации. Найда приводит в качестве примера такой адаптации, как крайний случай динамической эквивалентности, фрагмент перевода Нового Завета, выполненного Дж.Б. Филлипсом, где высказывание оригинала «приветствовать друг друга святым целованием» заменяется в переводе на «обменяться сердечным рукопожатием» на том основании, что в библейские времена святое целование было обычной формой приветствия.

Естественность изложения на языке перевода связана, по мнению Найды, главным образом с проблемой взаимной сочетаемости слов на нескольких уровнях, самыми важными из которых являются классы слов, грамматические категории, семантические классы, типы дискурса и культурные контексты.

Естественность контекстуальная затрагивает такие аспекты речи, как интонация и ритм, а также стилистическая уместность сообщения в рамках контекста.

Третий аспект естественности формулируется как степень соответствия переведенного сообщения способности получателя его понять. «Об этом соответствии, — пишет Найда, — можно судить по уровню опыта и способности аудитории к декодированию, если, конечно, преследовать цели истинно динамической эквивалентности» Говоря об этом аспекте естественности, исследователь делает весьма важную для теории перевода оговорку: «Не всегда можно быть уверенным, как именно реагировала (или должна была реагировать) первоначальная аудитория».

В самом деле, преследуя цель вызвать у аудитории ту или иную реакцию, переводчик исходит из собственного понимания этой цели, из понимания, которое формируется у него как у продукта определенной культуры, определенной исторической эпохи.

Проблема выделения единицы перевода

В процессе перевода переводчик оперирует какими-то единицами языка, анализирует их с целью уяснения их значения и нахождения соответствий в ПЯ. Как пишет С.А.Семко, «Перевод текста, особенно текста значительных размеров, не может быть осуществлен в виде некоего симультанного акта, он производится «поэлементно», «поблочно». Переводчик производит некоторую смысловую сегментацию оригинала, т.е. членит его на отрезки и затем подыскивает им соответствия в ПЯ». В целях адекватного описания процесса перевода необходимо уяснить, какие именно единицы выступают в качестве тех сегментов, которыми оперирует переводчик, то есть что именно является «единицей перевода» (терминируемой также как «переводема» или «транслема». Но прежде следует определиться с самими принципами выделения единицы перевода.

Считается, что в качестве единицы перевода можно принять уже известную, выделяемую в языкознании единицу или единицы, либо выделить совершенно особую, «собственно переводческую» единицу. Кроме того необходимо решить, будут ли единицы перевода выделяться в одном из языков, участвующих в процессе перевода, или они будут представлять собой какое-то отношение между отрезками текстов оригинала и перевода.

Единицей перевода может считаться минимальная языковая единица текста оригинала, переводимая как одно целое в том смысле, что в тексте перевода нельзя

обнаружить единиц ПЯ, воспроизводящих значение составных частей данной единицы, если таковые у нее имеются. Именно эта точка зрения была высказана первой. Еще Ж.-П. Вине и Ж.Дарбельне под единицей перевода понимали «наименьший сегмент сообщения, в котором сцепление знаков таково, что их нельзя переводить отдельно».

Л.С.Бархударов, исходя из того, что под единицей перевода понимается единица в исходном тексте, которой может быть подыскано соответствие в тексте перевода, но составные части которой по отдельности не имеют соответствий в тексте перевода, считал, что в качестве такой единицы может выступать единица любого языкового уровня. Другими словами, перевод может осуществляться на уровне фонем или графем (например, английская фамилия Heath переводится как Хит, а фамилия Lincoln — как Линкольн с использованием транскрипции в первом случае и транслитерации во втором), на уровне морфем (backbencher — заднескамеечник), на уровне слов (He came home — Он пришел домой), на уровне словосочетаний (to come to the wrong shop — Обратиться не по адресу), на уровне предложений (Many happy returns of the day — Поздравляю с днем рождения) и на уровне текста (например, поэтического)³⁹⁵.

С подобным подходом к выделению единицы перевода не согласен А.Д. Швейцер, который указывает, что любая единица — это, во-первых, постоянная величина, во-вторых, она образует тот или иной уровень языка, в-третьих, она позволяет как бы «измерить» однородные величины, представив их в виде линейной последовательности или совокупности определенных единиц. Между тем в определении А.С. Бархударова единица перевода предстает как переменная величина; за единицу перевода принимаются варьирующие и неопределяемые в лингвистических терминах речевые отрезки исходного языка; кроме того, процесс перевода не удается представить как простое соединение единиц перевода.

В.Н.Комиссаров отмечает, что единица перевода может определяться как минимальная единица текста, выступающая в процессе перевода в качестве самостоятельного объекта этого процесса. В.Н. Комиссаров исходит из того, что переводчик делит текст оригинала на какие-то отрезки и приступает к переводу очередного отрезка только после перевода предыдущего. Проблема заключается в определении величины таких отрезков. По мнению В.Н.Комиссарова, такие отрезки будут неодинаковыми для разных языков и разных видов перевода. Для англо-русского письменного перевода минимальной единицей переводимого текста будет, как правило, одно предложение, а в некоторых случаях — два предложения. Величина такой единицы определяется тем, что в ней содержится вся информация, необходимая для определения структуры соответствующего предложения в русском переводе.

В синхронном переводе таким минимальным отрезком переводимого текста чаще всего является смысловая группа. Но и в этом случае предложение может оказаться единицей перевода.

Можно предложить и иной путь выделения единицы перевода, ориентирующийся на единицы ПЯ. При таком подходе за единицу перевода принимается минимальный набор лексем или грамем ИЯ, который можно поставить в соответствие с некоторой лексической или грамматической категорией ПЯ. При

таким подходе система лексических и грамматических категорий ПЯ как бы проецируется на язык оригинала. В результате в ИЯ выделяются совокупности разнородных единиц, и появление в оригинале любого члена такой совокупности сигнализирует о необходимости использовать в переводе определенную лексическую или грамматическую категорию ПЯ.

Как отмечает В.Н.Комиссаров, недостатком такого подхода является, во-первых, разнородный характер единиц, составляющих совокупности, принимаемые за единицы перевода, а во-вторых, подобные единицы являются, по сути, не единицами перевода, а соотносимыми единицами двух языковых систем.

Интерес представляет и другое направление, в рамках которого поиски единицы перевода осуществляются с ориентацией исключительно на план содержания оригинала. Единица перевода определяется как минимальная единица содержания текста оригинала, воспроизводимая в тексте перевода. То есть единицы перевода обнаруживаются среди элементарных смыслов различных уровней содержания оригинала.

Приемы транскрипции, транслитерации и калькирования

ПЛАН

1. Прием транскрипции
2. Прием транслитерации
3. прием калькирования

Лексические трансформации описывают формальные и содержательные отношения между словами и словосочетаниями в оригинале и переводе. Среди формальных преобразований основными приемами перевода являются

- переводческая транскрипция/
- транслитерация и
- переводческое калькирование.

Прием транскрипции означает, что в переводе воспроизводится звучание слова оригинала, в отличие

от транслитерации, передающей его графическую форму. Этот прием широко применяется при переводе собственных имен, географических названий, названий фирм, печатных изданий, многих терминов и т.п. В современной переводческой практике, в основном, используется транскрипция, и многие наименования, которые в прошлом транслитерировались, теперь транскрибируются. Великий английский драматург был сначала известен в России как Шакеспере и лишь потом стал Шекспиром. Знаменитый английский физик был Невтоном, потом Нью'тоном, а теперь все чаще именуется 'Ньютоном. Транскрибируются и некоторые названия, которые прежде переводились. Так, на карте США был раньше Город Соленого Озера, ставший теперь Солт-лейк-сити.

В ряде случаев транскрипция носит условный характер, так как у звуков языка оригинала нет приблизительно соответствующих им звуков и букв в языке перевода. Английские звонкий и глухой звуки, передаваемые на письме сочетанием «th», воспроизводятся в русской транскрипции — звонкий как «д» или «з», а глухой как «т» или «с» (Warner Brothers = Уорнер Бразерз, Smith = Смит и пр.). Условное

соотношение порой устанавливается и для звуков более или менее близких. Например, английское «w» транскрибируется русским «у», а немецкое «h» традиционно передается по-русски как «г». (В последнее время эта традиция начала нарушаться: если Helmut Kohl — это Гельмут Коль, то президент Herzog уже пишется Херцог, а многие прежние Гансы стали Хансами.)

Хотя в целом в переводческой практике преобладает транскрипция, можно отметить несколько типичных случаев отклонения от этого правила.

Прежде всего в транскрибируемых словах могут сохраняться элементы транслитерации. Так, в русских переводах сохраняется часто непроизносимое английское «г» и передающие один звук двойные согласные: Daily Worker = Дейли Уоркер, Bill Clinton = Билл Клинтон. Другим примером может служить преобладание графики над звучанием в передаче немецкого дифтонга «ei»: Leipzig = Лейпциг, Heine = Гейне. Нередко буквенный состав сохраняется, если в результате получается уже существующее слово. Так, названия ракет обычно транскрибируются по правилам: ракета «Hawk» = «Хок», а «Faulcon» = «Фолкон». Но американская ракета «Tomahawk» именуется по-русски не «Томахок», а «Томагавк», ракета «Hercules» — не «Херкьюлиз», а «Геркулес».

Особенно много отклонений от принципа транскрибирования связано с существованием традиционных наименований, которые уже прочно вошли в употребление. Это касается как географических названий, так и имен собственных. Столицу Франции мы называем не «Пари», как следовало бы (сравни название газеты «Пари суар»), а Парижем, а столицу Шотландии — не «Эдинбра», а Эдинбургом. Английское имя «Charles», естественно, транскрибируется как Чарлз — Чарлз Дарвин, Чарлз Диккенс и т.п. Но носивший такое же имя король, которому англичане отрубили голову, известен у нас как Карл I. Затем Карлом был назван и Charles II, а король Джеймс (James) превратился в Якова. Первого норманского короля Англии звали так же, как Шекспира, но мы его зовем Вильгельмом Завоевателем. Несколько английских королей именовали Henry, но в России их зовут Генрихами. В Генрихов превратились и французские короли по имени Анри (Henri), а все восемнадцать французских царственных особ со столь распространенным именем Луи числятся у нас Людовиками. Понятно, что в подобных случаях переводчик не может транскрибировать такие имена «по правилам».

Несколько слов о приеме калькирования, который не требует особых разъяснений. Применяя этот прием, переводчик переводит составляющие элементы слова или словосочетания и затем объединяет переведенные части в единое целое: superpower = сверхдержава, International Monetary Fund = Международный валютный фонд. При этом в переводе может изменяться порядок следования компонентов: United Nations Organisation = Организация Объединенных Наций, first-strike weapon = оружие первого удара. Встречаются смешанные случаи, когда при калькировании одна часть слова переводится а другая — транскрибируется: petrodollars = нефтедоллары, miniskirt = мини-юбка.

Дословный перевод, членение и объединение предложений при переводе,
грамматические замены.

ПЛАН

1. Дословный перевод
2. членение предложений при переводе
3. объединение предложений при переводе
4. грамматические замены

Теперь познакомимся с некоторыми грамматическими трансформациями. Среди них наиболее частыми приемами являются

- дословный перевод,
- членение предложений,
- объединение предложений и
- грамматические замены.

Дословный перевод (нулевая трансформация) — это способ перевода, при котором синтаксическая структура ИЯ заменяется аналогичной структурой ПЯ, например: «He was in London two years ago» — «Он был в Лондоне два года назад». Прием достаточно прост, но заслуживает упоминания по двум причинам.

Во-первых, потому, что следует подчеркнуть «легитимность» его применения: у начинающих переводчиков иногда обнаруживается стремление изменять синтаксическую структуру даже там, где лучшим выбором был бы дословный перевод.

Во-вторых, надо четко отличать этот прием от уже известного нам буквального перевода, который тоже передает оригинал «слово в слово», но при этом искажает его смысл или нарушает нормы языка перевода.

Прием членения предложения, как об этом говорит его название, заключается в том, что одно предложение оригинала делится на два-три предложения в переводе.

Применение этого приема может быть вызвано семантическими или стилистическими причинами. Например, в английских газетах нередко встречаются краткие сообщения, состоящие из одного предложения, но содержащие большой объем информации типа: «Both engine crews leaped to safety from a collision between a parcels train and a freight train near Morris Cowley, Oxfordshire». В этом предложении содержится целый рассказ: сообщается и что произошло, и где произошло, и с кем произошло, и как спаслись участники происшествия. В русском переводе будет естественным разбить сообщение на две части и сначала сказать о самом событии, а уже потом о его последствиях, например: «Вблизи станции Моррис Коули в графстве Оксфордшир произошло столкновение почтового и товарного поездов. Члены обеих поездных бригад остались невредимы, спрыгнув на ходу с поезда».

А вот краткая метеосводка из английской газеты: «Mist covered a calm sea in the Straits of Dover yesterday». Можно перевести эту фразу дословно «Туман окутывал вчера спокойное море в проливе Па-де-Кале», но не слишком ли это поэтично для простой метеосводки? А вот как будет звучать перевод при использовании приема членения: «Вчера в проливе Па-де-Кале стоял туман. Море было спокойно».

Прием объединения предложений прямо противоположен предыдущему — двум или трем предложениям оригинала соответствует одно предложение в переводе.

Применение этого приема может оказаться вынужденным вследствие недооформленности одного из переводимых предложений: «The marchers did not

intend to go to Parliament. Nor to petition their MP's» — «Участники демонстрации не собирались ни идти к парламенту, ни подавать петицию своим депутатам». В других случаях переводчик может решить, что целесообразно, объединить предложения по стилистическим соображениям. Для научно-технических текстов на английском языке характерно преобладание простых предложений, что менее свойственно соответствующему русскому стилю, где очень широко используются сложные предложения. В связи с этим в англо-русских технических переводах двум или более простым предложениям оригинала соответствует одно сложное предложение в переводе, например: «This condition, however, changes at certain critical energies of the electrons. At these critical energies the gas atoms do absorb energy» — «Однако это условие нарушается при некоторых критических энергиях электронов, когда атомы газа поглощают энергию».

Во многих случаях переход от оригинала к переводу осуществляется с помощью различных грамматических замен, что подразумевает отказ от использования в переводе аналогичных грамматических форм. Замене может подвергаться

- грамматическая категория,
- часть речи,
- член предложения,
- предложение определенного типа.

Рассмотрим несколько примеров применения этого приема. Обычно в переводе категория числа сохраняется, то есть соотнесенные существительные в оригинале и в переводе употребляются в том же самом числе, за исключением случаев, когда форме единственного числа в одном языке соответствует форма множественного числа в другом (сравни «money» — «деньги», «outskirts» — «окраина» и т.п.). Но в определенных условиях замена формы числа может применяться как прием перевода и при наличии соответствующей формы по соображениям стиля или узуса: «They left the room with their heads held high» — «Они вышли из комнаты с высоко поднятой головой». Весьма распространенным видом грамматической замены при переводе является замена части речи.

Для англо-русских переводов наиболее характерны замены существительного глаголом («It is our hope that an agreement will be reached by Friday» — «Мы надеемся, что соглашение будет достигнуто к пятнице») и прилагательного существительным («Australian prosperity was followed by a slump» — «За экономическим процветанием Австралии последовал кризис»). Нередко также подобная замена применяется в отношении английских прилагательных в сравнительной степени со значением увеличения или уменьшения объема, размера или степени: «The stoppage which is in support of higher pay and shorter working hours, began on Monday» — «Забастовка в поддержку требований о повышении заработной платы и сокращении рабочего дня началась в понедельник».

Часто встречающиеся в англо-русских переводах замены части речи и типа предложения обусловлены, в частности, тем, что в английском языке чаще, чем в русском, подлежащее выполняет иные функции, нежели обозначение субъекта действия, например: «The crash killed 20 people» — «В результате аварии погибло 20 человек» (подлежащее заменено обстоятельством причины).

Безэквивалентная лексика и ложные эквиваленты

ПЛАН

1. Объявлении безэквивалентности в целом
2. Вклад Третьяковского
3. Вклад Н. М. Карамзина
4. Современное состояние перевода безэквивалентной лексики
5. Опора при подыскании (или создании) соответствия для нового термина
6. Методика Э. Ф. Скороходько
7. Передача смысла многозначного слова подлинника
8. Ложные друзья переводчиков

Полная невозможность найти какое бы то ни было соответствие слову подлинника, явление безэквивалентности в чистом виде, встречается относительно редко. Она возникает, главным образом, тогда, когда слово оригинала обозначает чисто местное явление, которому нет соответствия в быту и в понятиях другого народа. Этот случай подробно рассматривается ниже, в связи с вопросом о передаче слов, обозначающих национально-специфические реалии. Что же касается слов, обозначающих общераспространенные вещи, действия, поступки, чувства, переживания и т. п., то невозможность или трудность их передачи может быть иллюстрирована относительно редкими примерами.

Научные термины, обозначающие в определенном языке абстрактные — философские, политические, эстетические и т. п. — понятия, иногда не имеют еще соответствия в другом языке. История языков, в частности, и русского языка XVIII — начала XIX века, дает целый ряд примеров того, как напряженно шли поиски нужного соответствия термину, — иногда путем заимствования иноязычного корня, иногда путем словотворчества, а иногда путем приблизительного перевода более или менее близким по смыслу уже существующим словом.

Насколько трудны бывали эти поиски, показывает опыт Третьяковского как одного из выдающихся переводчиков своего времени. Третьяковский предложил в своих трудах — и переводных и оригинальных — немало конкретных соответствий иностранным словам, но соответствия эти весьма далеки от той формы, в которой их значение выражается по-русски теперь. Среди переводов отдельных слов встречаются у него и неологизмы: «безмёстие» (для французского *absurdité* — абсурд), «недействие» (для *inertie* — инерция), «назнаменованье» (для *emblème* — эмблема) и уже имевшиеся слова, близко передающие смысл французских, например, «нрав» (для *caractère* — характер), «образ» (для *forme* — форма). Здесь и русские слова, лишь приблизительно воспроизводящие значение в соответствующем контексте, например, «всенародный» (для *épidémique* — эпидемический), «внезапный» (для *panique* — панический), «учение» (для *érudition* — эрудиция), и, наконец, большое количество словосочетаний, которые описательно, в распространенной, иногда образной и часто неточной форме передают содержание слова, например, «предверженная вещь» (для *objet* — объект), «сила капелек» (для *essence* — эссенция), «жар исступления» (для *enthousiasme* — энтузиазм), «телесное мановенье» (для *geste* — жест), «урочный округ» (для *période* — период, в применении к астрономии) и т. п.

Позднее, в XIX веке, для Н. М. Карамзина и писателей его круга существенный вопрос представляла передача некоторых французских политических и экономических терминов, причем часть предложенных или одобренных Карамзиным переводов вошла в русский язык, а часть отпала, Он писал, например, П. А. Вяземскому 8 апреля 1818 г.:

«Перевод ваш... читал я с живейшим участием: он хорош... Libéralité принадлежит к неологизму нашего времени; я не мастер переводить такие слова. Знаю свободу; из нее можно сделать свободу, если угодно. Libéral в нынешнем смысле свободный, а „законно-свободный" есть прибавок».

Целый ряд иностранных слов возбуждал неуверенность в возможности точной их передачи, они казались трудно переводимыми. В дальнейшем эти слова нашли себе постоянные соответствия (часто не имеющие ничего общего с теми, какие им были подысканы первоначально). Таким образом, понятие о трудности передачи того или иного отдельного термина оказывается относительным, условным.

В настоящее время в русском языке есть целый ряд научных терминов (в частности, философских и общественно-политических), еще не имеющих определенного лексического соответствия в других языках. Таковы термины «закономерность», «идейность», «партийность», которые вызывают трудности при переводе на некоторые западноевропейские языки и требуют расширительно-описательного перевода в применении к контексту.

Отсутствие точных и постоянных лексических соответствий тому или иному термину отнюдь не означает

1) ни невозможности передать его смысл в контексте (хотя бы и описательно и не одним словом, а несколькими),

2) ни его непереводаемости в будущем. История каждого языка свидетельствует о постоянных изменениях словарного состава в связи с постоянными изменениями в жизни общества, с развитием производства, культуры, науки.

Вместе с обогащением и расширением словаря увеличиваются и возможности перевода. Из истории языка известно и о том, как многие иностранные слова, первоначально представлявшиеся труднопереводимыми, впоследствии были переведены, нашли определенное соответствие, и переводчик, сталкиваясь с такими словами в подлиннике, уже ничего не должен ни искать, ни заново создавать, а пользуется готовыми средствами передачи.

Но в практике любого вида перевода постоянно возникает необходимость передавать новые слова или новые значения уже существующих слов, не отраженные в словарях и требующие подыскания соответствия, которое в дальнейшем может приобрести постоянный характер.

Опорой при подыскании (или создании) соответствия для нового термина служит

1) содержание контекста, наталкивающее на выбор нужного слова или сочетания слов и исключающее использование неподходящих данных словаря и

2) аналогия с параллельными случаями (на них могут указывать словообразовательные элементы языка, например суффиксы).

Много убедительных примеров расшифровки и передачи английских технических терминов (из области авиации и кибернетики) дает Э. Ф. Скороходько, предлагая и

«методику определения значения неизвестных терминов», основанную на анализе языковых данных текста и их логической обработке, и заключая свою книгу главой о «построении русских эквивалентов английских терминов». В результате используемой им процедуры структурно-смыслового анализа текста и подыскания соответствий новый (к моменту написания книги) английский термин "bow-loader" в составе предложения "The bow-loader can fly 24 tons of cargo, 103 men" переводится, например, как «транспортный самолет с грузовой дверью, расположенной спереди».

В отличие от научных и общественно-политических терминов, возможности перевода которых могут расширяться с течением времени, слова, обозначающие наиболее обычные предметы и имеющие лишь неполное словарное соответствие в другом языке, уже не находят, как правило, новых средств передачи. К таким словам относятся, например, французские „main" и „bras", испанские „mano" и „brazo", или немецкие „Hand" и „Arm", английское „hand" и „arm", обозначающие разные части одной и той же конечности человеческого тела и переводимые по-русски без дифференциации одним и тем же словом — «рука». Аналогично - соотношение немецких слов „Fuß" и „Bein"; английских "foot" и "leg"; французских „pied" и „jambe", с одной стороны, и русского «нога», с другой. Или соотношение русских слов «голова» и «темя», с одной стороны, и французского „tête", с другой, русских слов «труд» и «работа», с одной стороны, и немецкого „Arbeit", с другой. Говорить о «непереводимости», однако, не приходится и здесь. Несмотря на более общий, недифференцированный характер соответствия, значение слова в переводе конкретизируется уже благодаря узкому контексту — ближайшему его окружению. Так, например, когда немецкие слова, обозначающие различные части все той же руки, употреблены в каком-либо специальном, например, медицинском, тексте, требующем при переводе полного уточнения значений, то к услугам переводчика оказываются терминологические, еще более дифференцирующие средства передачи: для „Hand" такие, как «кисть», для „Arm" - «локтевой сустав» (ср. немецкое „Unterarm"), «предплечье» (ср. „Oberarm"). При передаче русского слова «темя» на французский язык в специально-медицинском тексте должен был бы быть использован термин «sinciput», который при переводе художественной литературы, при воспроизведении речи с бытовой окраской (ср. в «Горе от ума»: «Он об землю - и прямо в темя») был бы, напротив, совершенно неуместен. Таким образом, вопрос о переводимости того или иного слова, являющегося одновременно и обиходно-бытовым и специально-терминологическим, для своего решения требует учета реальных условий контекста и функционального стиля речи. Наряду с тем случаем, когда лексические средства языка перевода в отношении какого-либо отдельного слова подлинника являются ограниченными (как при передаче немецких слов „Hand" и „Arm", французских „main" и „bras" и т. д. на русском языке, где их значения выражаются одним и тем же словом), чрезвычайно распространен случай противоположный, а именно, когда передается смысл многозначного слова подлинника.

Одно и то же многозначное слово подлинника, будучи употреблено в разных контекстах, хотя бы даже и близких, делает необходимым в переводе выбор разных слов, соответствующих разным его значениям. Так, например, английское "estate" в

одном сочетании может означать «состояние», «материальные средства», в другом - «имение», «поместье», причем эти частные значения объединяются одним более общим значением «имущество». Французское слово „*maître*” в отдельных конкретных случаях значит и «учитель», и «хозяин», и «господин», и «мастер». Эти разные значения одной и той же лексической единицы обычно достаточно легко выявляются в контексте. Все же при выборе нужного варианта в переводе каждое из этих значений, нередко обнаруживая еще новые, более тонкие оттенки, может требовать дополнительной конкретизации применительно к содержанию подлинника – в связи с более широким контекстом.

Наряду с отсутствием однозначного соответствия следует указать и на ложные эквиваленты словам другого языка. Последние называют еще «ложными друзьями переводчиков».

Ложный эквивалент - слово, полностью или частично совпадающее (или близкое к нему) по звуковой или графической форме с иноязычным словом при наличии полной этимологической общности между ними, но имеющее другое значение (или другие значения) при известной смысловой близости (отнесенности к одной общей сфере применения). Последнее обстоятельство как раз и обуславливает частую возможность ошибок. Французское *ignorer* - «не знать» и русское «игнорировать» - «сознательно не обращать внимание на что-либо», «не желать знать что-либо»; английское *pathos*- «трагизм», «щемящая грусть», «печаль», «чувство»^ «что-то грустно-трогательное» и русское «пафос» - «страстное воодушевление», «эмоциональный подъем»; английское *regular* — «точный», «равномерный», «правильный», «верный», «истинный», «справедливый», «соответствующий», «настоящий» (и ряд других значений) и русское «регулярный», употребляемое только в первых трех из указанных значений.

Ложные эквиваленты или «ложные друзья переводчика» не представляют какой-либо принципиальной проблемы или особой трудности перевода,, но о них надо упомянуть,

во-первых, ввиду неточностей, имеющих в общих двуязычных словарях, а во-вторых, ввиду возможности таких случаев, когда применение ложного эквивалента в конкретном контексте не вызывает самоочевидных противоречий, обманчиво уживается в нем.

Количество «ложных друзей переводчика» в современных литературных языках, постоянно вступающих в контакты с другими языками, велико, и это вызвало в современной лексикографии необходимость создать новый вид словаря - «словарь ложных друзей переводчика». В отечественной лексикографии он представлен такими книгами как «Англо-русский и русско-английский словарь „ложных друзей переводчика"» под ред. В. В. Акуленко (М., 1969), как «Немецко-русский и русско-немецкий словарь ложных друзей переводчика"», составленный К. Г. М. Готлибом (М., 1972), работой Муравьева В. А. «*Sous-amis* или „ложные друзья" переводчика» (М., 1969). Каждая статья в этих словарях делится на две части - иноязычно-русскую и русско-иноязычную, в которых заглавные слова связаны взаимосоответствием графической, отчасти и фонетической формы и этимологической общностью, но различаются по ряду значений и особенно - по оттенкам употребления. Два примера (с пропуском части текста - помет и

иллюстративного материала) из «Англо-русского и русско-английского словаря „ложных друзей переводчика“»: